

Еженедельник общественной и политической мысли

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache Deutschland
Social and Political Review in Russian Language Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne
Publisher: Vladimir Gorachev, Limburg/Lahn. Printer: Lim-
burger Verlagsdruckerei in Limburg/Lahn. Published weekly.
Circulation 4000 Sponsor: International Refugee Organization
Bankkonto: Limburger Bank V 14 und Nassealsche Landes-
bank, Limburg. 174 318. Postcheckkonto Frankfurt/M. 334 61

Издательство и редакция: Verlag „Possew“
Limburg/Lahn. Postschleßbach 77. Telephon 608

Выходит по воскресеньям.
Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

VII ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 4 НОЯБРЯ 1951 г.

№ 44 (283)

КТО — КОГО?

А. Артемов

В грядущей народно-освободительной Национальной Революции, равно как и в предшествующей ей революционной борьбе и пропаганде, помимо основных трех вопросов — «против чего?», «за что?» и «как?» — встает немало других проблем, и притом весьма немаловажных. Среди них — проблема объекта и субъекта революционно-освободительной борьбы, проблема их персонификации.

Говоря проще: кого, лично или коллективно, надо низвергать или уничтожать в борьбе, клеймить или высмеивать в пропаганде? И кто, лично или коллективно, является в массе народа первым деятелем или союзником освободительной революции? Грубее: кого бить и кто будет бить?

Схематически задача ясна: народ противостоит режиму. Народ уничтожает режим и тем освобождает себя. Но это — схема, а всякая схема пестрит погрешностями и отклонениями, неточностями и умолчаниями. Носители режима неравноценны во зле: «вождь» — и «вожатый», министр — и «мильтон». Равным образом неравноценны в добре и представители народа: революционер — и обыватель, герой — и трус, сознательный и жертвенный борец — и тупой эгоист.

Революционный элемент может проникать в аппарат власти; в аппарате власти люди могут заражаться революционными идеями. Обобщения могут тут вести к серьезным ошибкам: одаренные и активные люди могут быть оттолкнуты и потеряны для революции по формальному признаку их положения в общественной иерархии.

Равным образом в самых угнетенных слоях народа можно найти предателей, продавшихся угнетателям. Кроме того, ставка на народ в целом таит в себе огромную опасность фактического и психологического растворения активного революционного начала (полагаясь на всех, никто не начинает).

Но разберем эти «кого» и «кто» по порядку.

Дело оказывается еще сложнее. Если мы спросим себя, нужно ли и должно ли председателей сельсоветов, председателей колхозов, секретарей парторганизаций, районных милиционеров и т. п. относить огульно к врагам народа, то ответ будет отрицательным. Равным образом будут оправданы или, по крайней мере, взяты под сомнение такие категории, как директора заводов, офицеры и генералы, депутаты Верховного Совета, министры. Даже секретари обкомов партии, члены ЦК ВКП(б), маршалы не поддаются под огульное обвинение.

Доводя до крайностей, можно предположить обоснованные оправдания у членов Политбюро: Ворошилов может сослаться на печальный пример Тухачевского, Егорова, Блюхера; Андреев — на Косиора, Чубаря. Даже Берия может, перед судом народа, с дрожью в голосе напомнить о судьбе Ягоды, Ежова. «Что мы могли сделать в этой адской машине сыска и уничтожения, сооруженной Сталиным?»

А Сталин? Теоретически, он может, после крушения режима, на будущем «нюрнбергском процессе» развести руками и сокрушенно потрясти головой: «Я, как говорится, помогший Ленину умереть, поднявшийся к высшей власти по трупам своих партийных товарищей, уж я-то, как никто другой, знаю, что могли сделать со мной эти шакалы из Политбюро, Берия или кто еще, если не все вместе, как только я стал бы поворачивать в пользу народа, а стало быть, им во вред. Был идейным, увлекался, потом разочаровался, но было уже поздно: из машины диктатуры и террора выскочить не легко!»

Практически, это — абсурд. Но к этому абсурду логически тяготеет анализ системы власти, предпринимаемый с целью материализации и персонификации объекта революционной борьбы.

А между тем, этот объект, воплощен-

ный и осязаемый должен быть. Он должен быть по самой сути вещей. Хотя в чистой теории и можно допустить существование замкнутой системы всеобщего страха, которая, будучи раз заведена, действует затем по инерции, но практически такая система, без новых импульсов, будет затухать, если не будет устранена извне или изнутри активно. Большевикская система в ее нынешнем состоянии эти импульсы получает, в ней есть еще активное начало властвования и угнетения.

Объект этот, помимо того, должен быть указан в его осязаемой форме в

В номере:

А. Шеванцев

ЧТО ВИДЯТ ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ
В СССР?

Шагаров

ЧЕРЧИЛЛЬ ВМЕСТО ЭТТЛИ

М. Розанов

ПОД БЕЛОЙ ЗВЕЗДОЙ

целях направленности и интенсивности революционного действия. Борьба с системой вообще — занятие тусклое и неопределенное.

Партия и политическая полиция, в лице их ведущей верхушки, — вот двигатели тоталитарного режима. Вне зависимости от того, что в их составе могут быть инородные элементы, они подлежат слому, устранению, а при сопротивлении — прямому уничтожению.

От этого центра идут линии партийной организации и системы МГБ-МВД, которые, как институты, — МГБ, пожалуй, больше, партия меньше — должны нести ответственность за режим. Чем ниже — тем эта ответственность меньше.

Естественно, что личная ответственность перед народным судом будущего и перед революционным судом настоящего, может выходить из плана безусловного осуждения.

Политбюро и МГБ — главные объекты революционной борьбы.

Но они управляют страной, опираясь